

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
5 October 2015
Russian
Original: French

Комитет против пыток

Сообщение № 553/2013

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят пятой сессии
(27 июля – 14 августа 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Х, представлен Организацией по борьбе с безнаказанностью (ТРИАЛ)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Бурунди
<i>Дата сообщения:</i>	10 мая 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	10 августа 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	применение пыток сотрудниками полиции
<i>Процедурные вопросы:</i>	неприменимо
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; обязанность вести систематическое наблюдение за проведением допросов; обязанность государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение компетентными органами беспристрастного расследования; право на подачу жалобы; право на возмещение ущерба; использование заявления, полученного под пыткой, в качестве доказательства в рамках процессуальных действий
<i>Статьи Конвенции:</i>	пункт 1 статьи 2, статьи 11, 12, 13, 14 и 15 в совокупности со статьями 1 и 16 Конвенции

GE.15-16736 (R) 030516 040516

* 1 5 1 6 7 3 6 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят пятая сессия)

относительно

Сообщения № 553/2013*

<i>Представлено:</i>	Х, представлен Организацией по борьбе с безнаказанностью (ТРИАЛ)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Бурунди
<i>Дата сообщения:</i>	10 мая 2013 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 10 августа 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 553/2013, представленной ему от имени Х, согласно статье 22 Конвенции,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителем является Х, родившийся в 1974 году в Бурунди. Он утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 2 и статей 11, 12, 13, 14 и 15 в совокупности со статьей 1 и дополнительно статьей 16 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 17 июня 2013 года в соответствии с пунктом 1 статьи 114 своих правил процедуры Комитет обратился к государству-участнику с просьбой в течение периода, пока данное дело находится на рассмотрении, принять эффективные меры по недопущению каких-либо угроз или проявлений насилия в отношении заявителя или его семьи, в частности в связи с представлением настоящей жалобы.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алессио Бруни, Сатьябхусун Гупт Дома, Абдулае Гайе, Клаудио Гроссман, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.

Факты в изложении заявителя

2.1 На момент произошедших событий Х служил в национальной армии Бурунди в звании старшего сержанта и работал в военном лагере в Бужумбуре (военная полиция). 29 января 2010 года около 16 ч. 45 м. он пришел на центральный рынок Бужумбуре. Там он встретил трех своих друзей, также военнослужащих сержантского состава (унтер-офицеров), Б.Н., Е.Е. и О.М. Они предложили ему сходить на один из пляжей озера Танганьика, расположенный рядом с портом Бужумбуре. Около 17 ч. 45 м., когда четыре друга находились на пляже, они вдруг услышали выстрелы – стреляли в их направлении. Они попытались скрыться, но затем увидели, что за ними бегут около 30 полицейских, некоторые из которых были в штатском (впоследствии они узнали, что это были сотрудники Национальной службы разведки (НСР)), а другие – в военной форме. Преследовавшие их лица потребовали, чтобы все военнослужащие оставались на месте. Заявитель и 12 других военнослужащих, также находившихся на этом пляже, выполнили приказ.

2.2 После этого заявителя и других военных собрали в центре пляжа, затем быстро рассредоточили, и к каждому из них приставили по два или три государственных служащих. Х был грубо схвачен тремя государственными служащими (одним военнослужащим и двумя сотрудниками НСР в штатском). Оба сотрудника НСР приставили каждый со своей стороны пистолет к виску заявителя, а военнослужащий, встав сзади него, начал оскорблять его, назвал предателем и обвинил в подготовке государственного переворота. Резким движением заявителя заставили опуститься на колени. После того, как он был полностью имобилизован, он подвергся жестоким избиениям, сопровождаемым грубыми оскорблениями: его били ногами в грудь, по ребрам, спине и голове.

2.3 Два сотрудника НСР сорвали футболку с заявителя, затем разорвали ее, чтобы связать ему руки за спиной. Затем они сорвали шнурки с его ботинок, чтобы еще туже затянуть узел на его запястьях. После того, как он со связанными руками за спиной оказался под полным контролем государственных служащих, они снова начали наносить ему удары ногами по всему телу. Они конфисковали его мобильный телефон, 33 000 бурундийский франков (около 20 долл.) и удостоверение личности. Заявитель попытался оказать сопротивление государственным служащим, в результате чего они нанесли ему еще несколько ударов по голове, в частности прикладами своих винтовок. От этих ударов заявитель на несколько минут потерял сознание. Очнувшись, он почувствовал боль по всему телу и увидел, что некоторые части тела стали отекают.

2.4 Затем полковник Е.Н. приказал государственным должностным лицам снова разделить задержанных военных и в случае, если кто-нибудь начнет двигаться, открывать по нему огонь. Примерно через 20 минут государственные должностные лица затолкали заявителя и других арестованных военных в заднюю часть фургона. За несколько минут до этого на место событий прибыла журналистка, работающая на Африканской государственной радиостанции¹. Один из полицейских едва не выстрелил в нее. В своих показаниях журналистка указала, что она видела, как на берегу озера на земле в грязи лежала группа людей, а другие люди наступали им на спины и на национальном языке называли их «негодьями, которые в очередной раз хотели устроить кровопролитие, несмотря на то, что уже было пролито много крови».

¹ Ее показания прилагаются к жалобе.

2.5 После десятиминутной остановки около здания Специальной следственной бригады задержанных военнослужащих повезли в сторону базы противовоздушной обороны (ПВО) в Каменге (Бужумбура). В течение всей поездки заявителя, который был с голым торсом, голыми ногами и все еще завязанными за спиной руками, мучали сильные боли во всем теле.

2.6 По прибытии в штаб-квартиру первого военного округа, отвечающего за все военные лагеря в Бужумбуре, присутствовавший на месте событий бывший министр обороны генерал-лейтенант Г.Н. приказал надеть наручники на 13 задержанных военнослужащих, отвести их в зал заседаний и вызывать по одному. Несмотря на критическое состояние военнослужащих, ни один из них не был осмотрен врачом. Состояние заявителя было особенно тревожным: на его теле отмечались многочисленные гематомы и отеки.

2.7 Около двух часов ночи заявителя, которому понадобилась помощь полицейских, так как он с трудом передвигался, отвели в соседний кабинет, в котором находились военные, в частности главный военный прокурор Военного совета полковник Д.Н. В этом помещении также находился один из военнослужащих, задержанных на пляже. Он сидел на стуле, закованный в наручники.

2.8 Заявителю приказали сесть рядом с вышеуказанным военнослужащим. Его допросили и потребовали признать, что он присутствовал на встрече, состоявшейся у этого военнослужащего, который считается инициатором готовившегося на этой встрече государственного переворота. Заявитель отказался это сделать. Тогда полковник Д.Н. объяснил, что, если он согласится признать свою причастность к перевороту, его освободят. Так как заявитель продолжил отрицать указанные факты, ему пригрозили, что он будет подвергнут такому обращению, которое заставит его дать признательные показания. После того, как заявитель увидел окровавленное тело вышеупомянутого военнослужащего, который, по всей видимости, подвергся жестоким пыткам, он был вынужден согласиться с вышеизложенными фактами и подписал протокол, свидетельствующий о его участии в подготовке этого предполагаемого государственного переворота.

2.9 Затем заявителя снова доставили в зал заседаний, где находились еще пять задержанных на пляже военнослужащих. В этом зале он провел всю ночь, сидя на полу. На следующий день его перевели в помещение, площадью семь на шесть метров, без вентиляции и окон, которое напоминало склад и в котором содержались 18 человек.

2.10. Несмотря на неоднократные просьбы представителя Ассоциации по защите прав человека и заключенных, какие-либо свидания не были разрешены. 30 января 2010 года сотрудники судебной полиции снова допросили Х. В ходе этого допроса он отказался от своих заявлений, сделанных накануне в результате принуждения, и отрицал свою причастность.

2.11 1 и 2 февраля 2010 года представители ряда ассоциаций, в частности Ассоциации по защите прав человека и заключенных, «Хьюман райтс уотч» и «Ла Лиг итека», смогли побеседовать с заявителем и другими военнослужащими, задержанными при тех же обстоятельствах, и увидеть следы нанесенных им телесных повреждений. Эти ассоциации открыто рассказали о них в средствах массовой информации². Утром 2 февраля 2010 года три представителя Международного комитета Красного Креста встретились с задержанными военнослужащими, в том числе с заявителем.

² Заявитель прилагает пресс-релиз, размещенный в Интернете.

2.12 В последующие дни заявителя еще несколько раз допрашивали, при этом обвинения, выдвигаемые против него, менялись. Сначала его обвинили в мятеже, затем в посягательстве на безопасность командования, а затем в военном заговоре.

2.13 3 февраля 2010 года X перевели в военный лагерь «Муха» в Бужумбуре. Его поместили в камеру без окон площадью в 2 м² вместе с другим заключенным, и ему пришлось спать на ледяном полу. Ему принесли испорченную пищу, от которой он отказался. Надзирателям приказали ни при каких обстоятельствах не выпускать заявителя из камеры.

2.14 5 февраля 2010 года X доставили в штаб-квартиру первого военного округа, а затем перевели в тюрьму в городе Бубанза. В тот же день военный прокурор выдал ордер на его арест по обвинению в военном заговоре³. Лишь после этого с него сняли наручники, при том что до этого в течение семи дней он постоянно находился в болезненном положении с закованными за спиной руками, за исключением моментов проведения допросов.

2.15 В тюрьме Бубанзы заявитель содержался в неприемлемых условиях. Он спал на полу в тесной общей камере площадью 30 м² с примерно 80 другими заключенными. Его ежедневный рацион питания состоял из 350 граммов муки маниока и фасоли.

2.16 11 февраля 2010 года в юридическом отделе тюрьмы Бубанзы заявитель был допрошен подполковником Ж.С.Н. и лейтенантом С.Ж., который постоянно называл его убийцей. Во время этого допроса, подполковник Ж.С.Н., раздраженный тем, что заявитель продолжал отрицать свою причастность к военному заговору, попытался ударить его, однако был остановлен лейтенантом С.Ж.

2.17 14 февраля 2010 года, т.е. через 16 дней после его задержания, заявитель был впервые доставлен к судье. Заявитель не был представлен адвокатом. Во время этого слушания X сообщил судье о пытках, которым он подвергся во время его задержания. Однако, несмотря на серьезный характер его утверждений, они не были ни занесены в протокол, ни учтены судьей. Они не послужили поводом для начала расследования, несмотря на то, что все еще были видны следы применения вышеуказанных пыток. Кроме того, заявитель просил пройти медицинский осмотр и получить надлежащую медицинскую помощь, однако ему было в этом отказано. Он был заключен под стражу до суда⁴.

2.18 1 марта 2010 года в результате подачи заявителем апелляционной жалобы с просьбой о его освобождении до суда состоялось второе закрытое судебное заседание. В ходе этого нового слушания X снова сообщил о применявшихся к нему пытках, однако это ни к чему не привело. Его повторные просьбы о проведении консультации с врачом остались без внимания, и он не был выпущен на свободу⁵.

2.19 12 марта 2010 года заявитель бы переведен в центральную тюрьму «Мпимба» в Бужумбуре. На тот момент ему так и не была предоставлена помощь адвоката, и, несмотря на критическое состояние, в котором он находился при его заключении под стражу, он не получил никакого надлежащего ухода. В тюрьме «Мпимба» X также содержался в неприемлемых условиях, усугубля-

³ Прилагается к материалам дела.

⁴ Заявитель прилагает постановление о заключении под стражу, вынесенное Министерством обороны 14 февраля 2010 года.

⁵ Постановление о заключении под стражу до суда, вынесенное Военным трибуналом 1 марта 2010 года, прилагается к материалам дела.

емых переполненностью пенитенциарного учреждения. Площадь камеры, в которую поместили заявителя вместе с еще одним заключенным, составляла около 8 м², и в ней было лишь одно окно с решеткой. Ежедневный рацион питания состоял из 250 граммов фасоли и муки маниока.

2.20 16 марта 2010 года заявитель был вызван на первое слушание по существу в связи с возбужденным против него делом о военном заговоре. На этом заседании он впервые был представлен адвокатом. Однако рассмотрение его дела было перенесено на более поздний срок.

2.21 17 марта 2010 года в результате приступа малярии состояние здоровья X резко ухудшилось. Решив, что у заявителя сильно понизилось давление, тюремный врач провел инфузионную терапию для повышения его давления. Однако это привело к слишком резкому повышению давления, так как у заявителя отмечалась гипертоническая болезнь, что стало понятно врачу только в конце процедуры. Затем врач назначил ему двойную дозу лечения на основе хинина. Через несколько минут после этого заявитель примерно на 10 минут потерял сознание.

2.22 Несмотря на критическое состояние заявителя на тот момент, в частности обусловленное серьезной диагностической ошибкой, врач не оказал заявителю никакой иной медицинской помощи. Лишь через два дня после этого, 19 марта 2010 года, когда у заявителя начались сильные боли в нижней части спины, в колене и в ступнях, он наконец был переведен в больницу имени принца-регента Шарля в Бужумбуре⁶. Однако вскоре после этого в связи с тем, что у него стали отмечаться учащенное сердцебиение, мышечная дистрофия, сильные головные боли, расстройство зрения и головокружения, ему потребовались консультации кардиолога и офтальмолога⁷. После двух месяцев пребывания в больнице его состояние здоровья по-прежнему вызывало серьезную обеспокоенность. У него была диагностирована депрессия в результате посттравматического стресса. Кроме того, были диагностированы посттравматические психоневрологические расстройства, требующие врачебного наблюдения⁸.

2.23 Заявитель находился в больнице имени принца-регента Шарля в общей сложности чуть более трех месяцев – с 19 марта по 23 июня 2010 года⁹.

2.24 23 июня 2010 года было предписано вернуть X в тюрьму. Прямо посреди ночи его резко подняли с больничной койки, усадили в такси и доставили в тюрьму, хотя он еще не полностью выздоровел. С момента его госпитализации его состояние оставалось нестабильным. Так как он был ослаблен, он не мог принимать участие в мероприятиях, например в спортивных, которые проводились в тюрьме. В частности, у него продолжали отмечаться острые головные боли, головокружения, расстройство зрения, учащенное сердцебиение и боль в колене, и ему приходилось регулярно обращаться в медпункт, где ему выдавали обезболивающие препараты, но не проводили комплексного лечения.

2.25 12 августа 2010 года Военный совет приговорил заявителя к восьми годам каторжных работ за военный заговор¹⁰. 13 августа 2010 года заявитель подал апелляцию в военный суд, указав, что из-за своей госпитализации он не

⁶ Заявитель прилагает копии медицинских назначений для лечения его травм, тревожного состояния и малярии.

⁷ Соответствующие медицинские заключения прилагаются к материалам дела.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Копия этого решения прилагается к материалам дела.

смог присутствовать на судебном процессе. 21 сентября и 26 октября 2010 года он вновь сообщил о пытках, которым он подвергся при задержании¹¹. Он указал, что приговор суда основан на показаниях, полученных под угрозой применения пыток, и в подтверждение этих утверждений представил медицинские заключения.

2.26 В своем обвинительном акте от 27 января 2011 года прокуратура отметила, что представленные в качестве доказательства медицинские заключения не могут считаться законными результатами экспертизы и что заявителю следовало получить заключение эксперта. Однако, несмотря на то, что суд был в полной мере осведомлен об утверждениях в отношении применения пыток, он так и не предписал провести медицинскую экспертизу, хотя это входит в сферу его компетенции в соответствии со статьей 97 Закона № 1/015 от 20 июля 1999 года о внесении поправок в Уголовно-процессуальный кодекс.

2.27 3 марта 2011 года военный суд оставил в силе решение Военного совета в отношении X, а также наказание в виде восьми лет каторжных работ. Суд постановил, что доказательства, представленные в подтверждение заявлений о пытках, позволивших получить признательные показания, не соответствуют правовым требованиям¹². Вместе с тем суд никак не упомянул то, что судебный следователь по закону должен был запросить заключение эксперта, а также то, что, несмотря на многочисленные просьбы заявителя в первые дни его лишения свободы, ему не было разрешено обратиться к врачу.

2.28 7 марта 2011 года заявитель подал кассационную жалобу в Верховный суд¹³. 17 марта 2011 года совместно с другими осужденными военнослужащими он подал заявление, в котором напомнил, что военный суд не принял во внимание следы применения пыток на его теле, а также соответствующие медицинские заключения. 24 декабря 2012 года в рамках общей политики по снижению нагрузки на переполненные тюрьмы страны он был освобожден условно-досрочно.

2.29 С момента своего освобождения X живет в условиях крайней нестабильности как с материальной точки зрения, так и в плане безопасности. У него нет постоянной работы, так как он не может быть восстановлен в армии. Его родители, занимающиеся сельским хозяйством, пытаются содержать его за счет тех ограниченных средств, которыми они располагают. Недавно ему удалось устроиться на краткосрочную работу в качестве разнорабочего. Кроме того, в течение первых недель после его освобождения он скрывался из-за опасения новых посягательств на его физическую и психологическую неприкосновенность. Его состояние здоровья по-прежнему вызывает беспокойство. У него по-прежнему отмечаются головокружения и боли в различных частях тела. Кроме того, у него по-прежнему отмечаются посттравматические последствия, которые проявляются в виде значительного стресса. При этом он не обладает достаточными финансовыми средствами, чтобы пройти лечение.

2.30 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты заявитель утверждает, что он неоднократно информировал бурундийские власти о том, какому он подвергся обращению. В частности, X сообщил о пытках, которые к нему применялись военными и сотрудниками НСР, еще на первом закрытом заседании 14 февраля 2010 года, а затем на заседании 1 марта 2010 года. В своих письменных объяснениях от 21 сентября 2010 года, дополненных объяснениями

¹¹ Заявление в суд прилагается к материалам дела.

¹² Решение прилагается к материалам дела.

¹³ Заявитель не уточняет исход этой жалобы.

от 26 октября 2010 года, в отношении апелляционной жалобы, поданной в военный суд, а также в рамках обжалования решения в кассационном порядке в Верховном суде 17 марта 2011 года заявитель снова указал, что он подвергся пыткам, и в подтверждение своих заявлений представил медицинские заключения. Кроме того, он уточнил, что он дал признательные показания по ряду фактов в результате применения к нему пыток. Наконец, 7 ноября 2012 года он подал жалобу на неправомерное обращение с ним главному военному прокурору. Однако все его жалобы остались без ответа. Его так ни разу не вызвали в суд для дачи показаний в отношении примененных к нему пыток, а предполагаемые виновные, которых несложно было выявить, так и не предстали перед судом. Заявитель утверждает, что срок в три года и три месяца для начала расследования по утверждениям о пытках является чрезмерным и является причиной неисчерпания им внутренних средств правовой защиты. Кроме того, он утверждает, что с учетом поступивших в его адрес угроз и рисков, которым подвергаются он и его семья, нелогично требовать от него дальнейшего обращения к властям, которые уже продемонстрировали свою пассивность.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что он является жертвой нарушения государством-участником пункта 1 статьи 2 и статей 11, 12, 13, 14 и 15 в совокупности со статьей 1, а также статьей 16 Конвенции.

3.2 В отношении вышеописанного ненадлежащего обращения, которое было документально подтверждено заявлениями ассоциаций по защите прав человека и медицинскими заключениями, заявитель ссылается на статью 1 Конвенции. Несмотря на его критическое состояние, он не был осмотрен врачом. Кроме того, в настоящее время он страдает от серьезных физических последствий применения к нему пыток.

3.3 Заявитель добавляет, что он содержался под стражей в неприемлемых условиях, в тесном помещении первого военного округа, без вентиляции и окон, вместе с 18 другими лицами и не имел права на свидания. Затем он был доставлен в военный лагерь «Муха» и вместе с еще одним заключенным содержался в тюремной камере без окон площадью 2 м². Он был вынужден спать на полу. Ему приносили испорченную пищу. После этого он был переведен в тюрьму Бубанзы, где он содержался в ненадлежащих условиях. Ввиду переполненности тюремных камер и отсутствия надлежащего питания условия содержания в тюрьме «Мпимба» были не менее ужасными. Кроме того, после резкого ухудшения здоровья заявителя он был госпитализирован и около трех месяцев находился в больнице, а 23 июня 2010 года, когда он пошел на поправку, его возвратили в тюрьму.

3.4 Заявитель добавляет, что ущерб ввиду его тяжести и характера был нанесен ему преднамеренно с целью наказания его за подготовку мероприятий по дестабилизации действующих институтов.

3.5 Нет сомнений в том, что эти действия были совершены государственными служащими (служащими национальной армии и членами НСР). В заключение заявитель повторяет, что ненадлежащее обращение, которому он был подвергнут, представляет собой пытки в соответствии с определением, содержащимся в статье 1 Конвенции против пыток.

3.6 Кроме того, заявитель ссылается на пункт 1 статьи 2 Конвенции. Заявитель был доставлен к судье с целью его заключения под стражу до суда лишь через 16 дней после его задержания, т.е. после того, как уже давно истек срок,

предписанный властям статьей 60 Уголовно-процессуального кодекса, в которой предусмотрено, что «срок временного содержания под стражей в судебной полиции в соответствии со статьей [59] не должен превышать 7 дней с точностью до одного часа, за исключением случаев, когда решения о необходимом продлении принимает прокуратура, но и в этом случае максимальный срок не должен превышать 14 дней». В течение первых дней лишения свободы свидания с заявителем были запрещены. Кроме того, в течение нескольких недель с момента задержания заявителя он не имел доступа к адвокату. Следовательно, он не получил надлежащей правовой помощи.

3.7 Кроме того, несмотря на то, что ввиду его состояния здоровья Х, бесспорно, нуждался в медицинской помощи и неоднократно просил предоставить ему возможность проконсультироваться с врачом, он получил такую помощь лишь примерно через семь недель после того, как подвергся пыткам, т.е. 19 марта 2010 года, когда он был в срочном порядке госпитализирован в результате резкого ухудшения состояния его здоровья. Отказав ему в предоставлении неотложной медицинской помощи, бурундийские власти лишили его возможности получить соответствующую медицинскую справку и, следовательно, права добиваться отправления правосудия надлежащим образом. Медицинского освидетельствования удалось добиться лишь 15 июля 2010 года, т.е. через пять с половиной месяцев после соответствующих событий. В медицинском заключении указано, что у заявителя отмечаются «серьезные психоневрологические расстройства, предположительно посттравматического характера», однако с учетом того, что с момента событий прошло много времени, в заключении лишь частично отражена степень тяжести последствий пыток для его здоровья. Кроме того, в результате госпитализации заявителя он не смог присутствовать на открытом судебном заседании по его делу, на котором Военный совет признал его виновным в военном заговоре, что серьезно ущемляет право на надлежащую защиту.

3.8 Автор добавляет, что его случай не является единичным и что сотрудники полиции, виновные в серьезных нарушениях прав человека, часто остаются в Бурунди безнаказанными. По мнению заявителя, государство-участник не приняло законодательные или иные необходимые меры для недопущения пыток и тем самым нарушило свои обязательства согласно пункту 1 статьи 2 Конвенции.

3.9 Заявитель ссылается также на статью 11 Конвенции, отмечая, что государство-участник нарушило свои обязательства в отношении содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения. Он не был проинформирован о выдвинутых против него обвинениях, не имел доступа к адвокату и был доставлен к судье в связи с его заключением под стражу до суда лишь через 16 дней после его задержания, при том что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает максимальный срок в 7 дней, который может быть продлен прокуратурой до 14 дней. Кроме того, несмотря на его критическое состояние, он не был осмотрен врачом. Он не имел также доступа к адвокату. В этой связи заявитель приходит к выводу, что государство-участник не выполнило свое обязательство в отношении необходимого надзора за обращением, которому он подвергался в период его лишения свободы¹⁴.

¹⁴ Заявитель напоминает, что в своих заключительных замечаниях по первоначальному докладу государства-участника Комитет выразил обеспокоенность по поводу отсутствия эффективного систематического наблюдения за функционированием всех мест содержания под стражей, в частности посредством регулярных

3.10 Кроме того, заявитель утверждает, что в отношении него государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, согласно которой оно обязано обеспечивать проведение быстрого и беспристрастного расследования каждый раз, когда имеются достаточные основания полагать, что имело место применение пытки¹⁵. Он напоминает, что по смыслу статьи 12 необязательно подавать жалобу в должной и установленной форме. В частности, он напоминает, что в последующие дни после произошедших событий власти были проинформированы о пытках, которым он подвергся, посредством публичных заявлений и прямых запросов со стороны правозащитных организаций, а также поданных заявителем жалоб судьям. Во время первых закрытых слушаний 14 февраля 2010 года и 1 марта 2010 года он сообщил о пытках, которым он подвергся. Через 16 дней после перенесенного насилия на его теле по-прежнему были видны следы пыток, и он еще с трудом передвигался. Следовательно, судьи могли лично убедиться в том, что он подвергся пыткам. Кроме того, на следующем закрытом заседании 1 марта 2010 года заявитель снова сообщил о примененных к нему пытках. Однако власти не приняли во внимание эти утверждения, не было запрошено заключения эксперта и не было начато расследования.

3.11 В своих письменных объяснениях от 21 сентября и 26 октября 2010 года в связи с апелляцией в военном суде, а затем в связи с обжалованием в кассационном порядке в Верховном суде X снова сообщил о примененных к нему пытках, представив в подтверждение своих утверждений медицинские заключения. Ввиду бездействия судебных властей 7 ноября 2012 года он направил жалобу на ненадлежащее обращение со стороны государственных служащих Главному военному прокурору. Однако на сегодняшний день, т.е. более чем через три года со времени описанных событий¹⁶, не было начато никакого расследования. Заявитель так и не дал никаких показаний в суде, а виновные, которых легко выявить, так и не были привлечены к ответственности судебными властями. В связи с этим автор дела делает вывод о том, что, поскольку государство-участник не провело реального, оперативного и эффективного расследования по утверждениям о примененных к нему пытках, оно нарушило свои обязательства по статье 12 Конвенции.

3.12 В отношении статьи 13 Конвенции заявитель утверждает, что государство-участник должно было гарантировать ему право подать жалобу в компетентные национальные органы и обеспечить, чтобы они незамедлительно и беспристрастно изучили ее. Однако в данном случае, несмотря на подачу (вышеуказанных) официальных жалоб, не было принято никаких последующих мер. Следовательно, бурундийские власти не изучили в срочном порядке и беспристрастным образом утверждения заявителя о применении к нему пыток в нарушение статьи 13 Конвенции.

незапланированных посещений этих мест национальными инспекторами, а также в рамках механизма законодательного и судебного надзора (см. CAT/C/BDI/CO/1, пункт 19). В своем первоначальном представлении заявитель подчеркивает, что государство-участник не ратифицировало Факультативный протокол к Конвенции, в котором предусмотрено создание национального механизма по предупреждению пыток. [Впоследствии 18 октября 2013 года государство-участник присоединилось к Факультативному протоколу.]

¹⁵ Заявитель ссылается на сообщения № 341/2008, *Сахли против Алжира*, решение, принятое 3 июня 2011 года, пункт 9.6; № 187/2001, *Тхабти против Туниса*, решение, принятое 14 ноября 2003 года, пункт 10.4; № 60/1996, *Мбарек против Туниса*, решение, принятое 10 ноября 1999 года, пункт 11.7; № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, решение, принятое 14 мая 1998 года, пункт 8.2.

¹⁶ На настоящий момент уже более пяти лет.

3.13 Заявитель ссылается также на статью 14 Конвенции, так как государство-участник, лишив его возможности инициировать разбирательство по уголовному делу, тем самым лишило его законной возможности получить компенсацию за применение к нему пыток. Кроме того, с учетом пассивности судебных органов, другие средства правовой защиты, направленные, в частности, на получение компенсации в рамках гражданского иска о возмещении нанесенного ущерба, объективно не способны привести к положительному результату. Как отметил Комитет в принятых им в 2006 году заключительных замечаниях по первоначальному докладу государства-участника, оно принимает слишком мало мер для выплаты компенсации жертвам пыток (см. CAT/C/BDI/CO/1, пункт 23). Заявитель добавляет, что ему не было предоставлено никаких реабилитационных услуг, направленных на максимально возможное восстановление его прежнего физического и психологического состояния и социального и финансового положения. Кроме того, он не был восстановлен в армии и сталкивается с серьезными проблемами, связанными с возвращением к нормальной профессиональной и общественной жизни. Кроме того, за совершенные в отношении него преступления никто не был наказан, пытавшие его лица не были осуждены и не подверглись судебному преследованию, в отношении них не было проведено никакого расследования и их вообще никто не беспокоил, что представляет собой нарушение права заявителя на возмещение нанесенного ущерба в соответствии со статьей 14 Конвенции.

3.14 С учетом практики Комитета¹⁷ заявитель ссылается также на статью 15 Конвенции. Он заявляет, что к нему была применена пытка с целью запугать его перед проведением допроса, с тем чтобы получить от него признательные показания о его причастности к предполагаемому государственному перевороту. Ему прямо пригрозили применением других пыток, если он не признает свое участие в заговоре, поэтому он был вынужден подписать протокол, подтверждающий его причастность к подготовке вышеуказанного предполагаемого государственного переворота. Эти признательные показания послужили основанием для проведения процессуальных действий в отношении него и признания его виновным в причастности к военному заговору. Власти не приняли во внимание его утверждения о пытках и не провели никаких проверок для определения того, какие методы использовались для получения признательных показаний. В связи с этим заявитель утверждает, что применительно к нему государство-участник нарушило статью 15.

3.15 Заявитель вновь отмечает, что примененные к нему акты насилия являются пытками в соответствии с определением, содержащимся в статье 1 Конвенции. Вместе с тем, даже если Комитет не признает такую квалификацию содеянного, все равно заявитель утверждает, что примененное к нему ненадлежащее обращение в любом случае представляет собой акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и что на основании этого государство-участник также было обязано предупредить и пресечь их совершение, подстрекательство к ним или проявление молчаливого согласия со стороны государственных должностных лиц, как это предусмотрено в статье 16 Конвенции. Кроме того, заявитель напоминает, что условия его содержания в штаб-квартире первого военного округа, в лагере «Муха», а затем в тюрьмах Бубанзы и Бужумбуры являются неприемлемыми. Заявитель обращает внимание также на заключительные замечания Комитета, которые были приняты по итогам рассмотрения первоначального доклада государства-участника и в которых Коми-

¹⁷ Сообщение № 193/2001, *П.Э. против Франции*, решение, принятое 21 ноября 2002 года.

тет отметил, что условия содержания под стражей в Бурунди схожи с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением (см. CAT/C/BDI/CO/1, пункт 17). Наконец, он напоминает, что он не получил медицинской помощи и был возвращен в пенитенциарное учреждение, когда находился еще на стадии выздоровления. Наконец, он утверждает, что, допустив его содержание под стражей в условиях, схожих с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, Бурунди нарушила свои обязательства по статье 16.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 16 августа и 14 октября 2013 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Прежде всего, государство-участник отмечает, что сообщение следует признать неприемлемым, поскольку заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Различные апелляционные жалобы, поданные политическим и административным субъектам, не являются средствами судебной защиты, так как ни один из этих субъектов не уполномочен выносить решения по этому делу. Единственным надлежащим средством правовой защиты была жалоба, поданная заявителем Главному военному прокурору меньше года назад, 7 ноября 2012 года. Вместо того, чтобы дождаться результатов расследований, заявитель поспешил обратиться в Комитет. Эта жалоба по-прежнему находится на рассмотрении Главного военного прокурора, и государство-участник предлагает заявителю сотрудничать с органами правосудия с целью установления фактов.

4.2 По существу дела государство-участник утверждает, что представленные заявителем аргументы являются следствием его воображения или недостатка информации.

4.3 14 октября 2013 года государство-участник представило дополнительные замечания по существу жалобы. Прежде всего оно отмечает, что заявитель не представил никаких доказательств в подтверждение своих утверждений о пытках. Х был задержан непосредственно при попытке дестабилизировать действующие учреждения, и его ответственность, а также ответственность других обвиняемых по этому делу была установлена всеми компетентными судебными инстанциями. Травмы некоторых подозреваемых бунтовщиков стали следствием их сопротивления действиям сотрудникам органов безопасности. «Если бы они сразу согласились добровольно сдаться, они бы не подверглись ненадлежащему обращению, которое они неправомерно назвали пытками». При задержании «подозреваемых заговорщиков», которые имели при себе огнестрельное оружие, они оказали сопротивление сотрудникам НСР, что привело к стычке между ними. Меры, принятые сотрудниками НСР во избежание убийства или получения травм, должны расцениваться как самооборона, а не как пытки, примененные к задержанным лицам.

4.4 Условия содержания под стражей, которые обусловлены отсутствием достаточных средств и которые являются одинаковыми для всех заключенных в Бурунди, не могут считаться пытками. Заявитель попытался приравнять недостатки, требования и суровый характер пенитенциарной системы к тому, что он считает актами пыток. Например, в отношении предполагаемого отказа в доступе к врачу государство-участник заявляет, что речь идет об ошибочной оценке событий. В Бурунди регламент пенитенциарных учреждений предусматривает, что заключенным разрешено регулярно обращаться в медицинский пункт, однако этой возможности может быть лишен заключенный, который по-

дозревается в симулировании болезни, чтобы совершить попытку побега, особенно если он преследуется за совершение серьезного преступления.

4.5 Когда было точно установлено, что Х болен, ему были предоставлены медицинские услуги сначала в самом пенитенциарном учреждении, а затем в больнице имени принца-регента Шарля в течение около трех месяцев, с 19 марта по 23 июня 2010 года. Он получил консультации нескольких разных специалистов. Вопреки утверждениям заявителя, врачи указали, что его боли не являются следствием обращения, которому он подвергся при задержании. Отмеченные у него проблемы со здоровьем, такие как малярия, гипертония и кошмары, широко встречаются у людей, находящихся на свободе. Представленные заявителем медицинские заключения не могут считаться доказательствами применения пыток, так как в них подробно описываются диагностированные заболевания, но не указано, что они являются следствием применения пыток. По всей вероятности, вышеуказанные проблемы со здоровьем отмечались у Х еще до его задержания, поэтому нельзя установить причинно-следственную связь между его задержанием и результатами его медицинского обследования, несмотря на то, что оно было проведено в условиях его лишения свободы.

4.6 Государство-участник отмечает, что заявитель был помилован государственными властями Бурунди, которые 24 декабря 2012 года вынесли решение о его условно-досрочном освобождении. Таким образом, из восьми лет назначенного ему срока он содержался под стражей лишь в течение двух лет. В ходе судебного разбирательства он смог воспользоваться своим правом на защиту и был представлен адвокатом. Он смог свободно использовать доступные средства апелляции. Он не подвергался никаким пыткам для получения от него признательных показаний. Бурунди приняла все законодательные и иные меры для предупреждения и пресечения практики применения пыток. В Уголовном кодексе 2009 года этому вопросу посвящена отдельная глава.

4.7 Что касается оскорблений, которые, по словам заявителя, были высказаны в его адрес, совершенно естественно, что в данных обстоятельствах и условиях происходит обмен определенными выражениями, однако не следует преувеличивать, называя их пытками. Кроме того, государство-участник считает целесообразным напомнить, что угрозы пыткой не являются самой пыткой, если они не приведены в исполнение. Заявитель утверждает, что он был вынужден дать признательные показания судебному следователю, однако он это сделал не из-за угрозы применения пыток, а лишь потому, что он не мог поступить иначе, так как один из тех, кто был задержан вместе с ним, уже признался в содеянном до него.

4.8 Государство-участник опровергает утверждение заявителя по пункту 1 статьи 2 Конвенции, заявляя, что реестры по заключенным регулярно обновляются как в полицейских изоляторах, так и в других пенитенциарных учреждениях. Существует также коллегия адвокатов, которая даже бесплатно предоставляет свои услуги нуждающимся. Кроме того, заявитель так же, как и другие заключенные, встречался со своими родственниками; получал специальные разрешения на выход и даже смог воспользоваться судебными и административными средствами правовой защиты и направить ходатайство в правозащитные организации. Кроме того, он получил медицинские услуги, так как бурундийские власти выделяют существенные бюджетные средства на охрану здоровья заключенных. Аргумент о том, что он был поздно госпитализирован, является спорным, поскольку он получал уход от сотрудников медпункта, которые, в частности, принимали решение относительно своевременности госпитализации. Его возвращение под стражу было предварительно согласовано с лечащим

врачом. Вопреки утверждению заявителя, это решение было принято не руководством пенитенциарного учреждения.

4.9 В отношении довода заявителя о том, что его госпитализация лишила его возможности присутствовать на судебном процессе, государство-участник отмечает, что заявитель мог обжаловать вынесенное решение и обеспечить свою защиту.

4.10 В отношении жалоб на то, что не было проведено расследование, государство-участник отмечает, что Х должен был в надлежащей и установленной форме подать ходатайство в компетентный судебный орган. К настоящему моменту заявитель уже подал жалобу Главному военному прокурору, который обязательно рассмотрит его дело. Однако способность сотрудничества со стороны Х, которое имеет важнейшее значение для разбирательства, по всей видимости, подорвана тем, что, как представляется, заявитель отказался от своей жалобы в связи с обращением в Комитет. Государство-участник отмечает, что жалобы, поданные в кассационном порядке в Верховный суд заявителем и другими обвиняемыми по данному делу, по-прежнему находятся на стадии рассмотрения.

4.11 Кроме того, государство-участник опровергает утверждения заявителя по статьям 13, 14 и 16 Конвенции.

4.12 В отношении его безопасности и мер защиты, которые Комитет просил принять, государство-участник отмечает, что Х не следует опасаться за свою безопасность. Он уже подал жалобу Главному военному прокурору, и при этом никак не было нарушено его право на физическую неприкосновенность. Кроме того, правительство Бурунди проявило благосклонность к нему, пойдя на его условно-досрочное освобождение. На сегодняшний день он обладает свободой действий, и ему ничто не угрожает. В этой связи в настоящее время отсутствует необходимость разработки специальных мер защиты.

Замечания заявителя относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 3 октября 2013 года и 13 января 2014 года заявитель представил свои комментарии к замечаниям государства-участника. В связи с доводами государства-участника о том, что он не исчерпал внутренние средства правовой защиты, заявитель обращает внимание на то, что в ходе первых закрытых судебных заседаний 14 февраля и 1 марта 2010 года он сообщил о примененных к нему пытках. В своих апелляционных жалобах, поданных в военный суд и Верховный суд в кассационном порядке, он снова сообщил о пытках, которым он подвергся. Следовательно, судебные власти были осведомлены о вышеуказанных деяниях.

5.2 В отношении утверждения государства-участника о начале расследования заявитель отмечает, что оно ничем его не подкрепило, хотя оно должно было представить информацию об открытии и ходе вышеуказанного расследования и представить соответствующие сведения, такие как номер разбирательства, копии протоколов заседаний или копии отчетов о результатах расследования. Хотя государство-участник утверждает, что только заявитель может представить уточненную информацию судебным властям, он никогда не допрашивался этими властями. Другие лица, задержанные при тех же обстоятельствах, также не давали никаких свидетельских показаний. Следовательно, правомерно и даже целесообразно поставить под сомнение само наличие соответствующего разбирательства. Даже если предположить, что было начато расследование по фактам дела, столь долгий срок (около четырех лет), прошедший с момента событий, должен считаться необоснованным.

5.3 Заявитель подтверждает свои первоначальные заявления по вопросам существа и обращает на них внимание, в частности на утверждения о ненадлежащем функционировании бурундийской судебной системы, которые, по его мнению, подтверждены большим количеством документов.

5.4 Заявитель представил новые комментарии. Прежде всего, он опровергает замечание государства-участника о том, что он не может жаловаться на примененные к нему пытки и добиваться отправления правосудия, поскольку он был выпущен на свободу. Заявитель утверждает, что речь не идет ни о милости, ни о мере, лишаящей права подавать жалобу на столь серьезные деяния.

5.5 В отношении мер защиты, о которых просил Комитет и которые считаются государством-участником необоснованными, заявитель напоминает, что ответственность за пытки лежит на высокопоставленных военнослужащих национальной армии и сотрудниках НСР, что дает законные основания опасаться применения к нему репрессивных мер, особенно с учетом общей безнаказанности виновных в совершении таких преступлений в Бурунди. В этой связи заявитель просит Комитет оставить в силе запрошенные временные меры.

5.6 Заявитель опровергает довод государства-участника о том, что обращение в Комитет ведет к отказу от жалобы, поданной заявителем 7 ноября 2012 года судебным властям Бурунди.

5.7 Заявитель опровергает утверждения по существу государства-участника, которое лишь возразило против его жалоб, не подкрепив свои заявления никакими материальными доказательствами. Он вновь повторяет доводы, приведенные в его первоначальном представлении, и по-прежнему отмечает, что его утверждения о пытках подтверждаются целым рядом надежных материальных доказательств, а контраргументы государства-участника по этому вопросу ничем не обоснованы и не подкреплены.

5.8 Заявитель опровергает довод государства-участника, на основе которого оно попыталось квалифицировать обращение, которому он подвергся, как резонное и логичное последствие его задержания. Он напоминает о том, что в момент ненадлежащего обращения с ним он находился под полным и надежным контролем служащих государства-участника, которые в большом количестве присутствовали на месте событий и были хорошо вооружены. Они полностью имобилизовали его, положили животом на землю со связанными за спиной руками, и в таком положении он находился в уязвимом состоянии и под контролем государственных служащих. В данных обстоятельствах нельзя утверждать, что применение насилия было неотъемлемой частью задержания или что оно было обусловлено законной целью поддержания общественного порядка. Наоборот, в основе такого обращения лежала незаконная цель наказать его за предполагаемые деяния. В заключение заявитель вновь повторяет, что обращение, которому он подвергся, действительно представляет собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в настоящее время в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость жалобы ввиду исчерпания внутренних средств правовой защиты, так как 7 ноября 2012 года заявитель подал Главному военному прокурору ходатайство о возбуждении уголовного дела. Комитет отмечает, что государство-участник заявило, что по-прежнему проводится разбирательство, однако не предоставило никаких других материалов или информации, которые позволили бы Комитету оценить степень прогресса и потенциальной эффективности этого разбирательства, с учетом того, что оно было начато около трех лет назад в связи с событиями, которые произошли более пяти лет назад. Комитет делает вывод о том, что в данных обстоятельствах в силу бездействия компетентных органов власти рассмотрение в суде иска, который позволил бы заявителю получить реальное возмещение причиненного вреда, стало невозможным, а также что в любом случае внутренние разбирательства были необоснованно затянуты. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что никаких препятствий для того, чтобы он рассмотрел данное сообщение в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции, не существует.

6.3 Ввиду отсутствия оснований для признания данного сообщения неприемлемым, Комитет переходит к рассмотрению представленных заявителем утверждений по существу на основании статьи 1, пункта 1 статьи 2 и статей 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел полученную жалобу с должным учетом всей информации, представленной ему соответствующими сторонами.

7.2 Комитет отмечает, что, по утверждениям заявителя, 29 января 2010 года он был задержан государственными служащими, один из которых был военнослужащим, а два других – сотрудниками НСР в штатском, которые, приставив ему оружие к голове, избили его, в частности нанесли ему удары ногами по груди, ребрам, спине и голове. После того, как он был полностью иммобилизован государственными служащими, которые связали ему за спиной руки, они нанесли ему еще несколько ударов, в частности прикладом, по голове. От этих жестоких ударов заявитель на несколько минут потерял сознание. После того, как его доставили в штаб-квартиру первого военного округа, он был допрошен и из-за опасений подвергнуться новому насилию подписал признательные показания, подтверждающие его участие в подготовке государственного переворота. На следующий день после его задержания он был помещен в помещение без вентиляции и окон. До 1 февраля 2010 он был лишен связи с внешним миром.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось лишь отрицанием и преуменьшением утверждений заявителя и не представило при этом никаких убедительных доводов, опровергающих применение вышеуказанных пыток. Кроме того, Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что заявителю были нанесены телесные повреждения из-за того, что он оказал сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. Однако совпадающие между собой и заслуживающие доверия показания свидетельствуют о том, что телесные повреждения были нанесены в тот момент, когда заявитель находился под контролем властей государства-участника. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что заявитель подвергся пыткам в момент его задержания, а также в ходе последующих допросов, и что все вышеуказанные деяния в целом представляют собой нарушение статьи 1 Конвенции.

7.4 Что касается статьи 16, Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что условия содержания под стражей в штаб-квартире первого военного округа, в лагере «Муха» и в тюрьмах Бубанзы и Бужумбуры (пункты 2.9, 2.13, 2.15 и 2.19) были неприемлемыми. Кроме того, заявителю не была оказана своевременная медицинская помощь, в которой он нуждался ввиду своего состояния. Комитет напоминает о своих последних заключительных замечаниях по второму периодическому докладу государства-участника, в которых он выразил тревогу по поводу условий содержания под стражей (см. CAT/C/BDI/CO/2, пункт 15). С учетом обстоятельств дела Комитет делает вывод о том, что все условия лишения свободы заявителя с момента его задержания 29 января 2010 года до его освобождения 24 декабря 2012 года представляют собой отдельное нарушение статьи 16 Конвенции.

7.5 Заявитель ссылается также на пункт 1 статьи 2 Конвенции, согласно которому государству-участнику следовало принять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории, находящейся под его юрисдикцией. Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае заявитель был жестоко избит, а затем содержался под стражей без возможности установления непосредственного контакта со своими родственниками, адвокатом или врачом. Лишь 14 февраля 2010 года заявитель был доставлен к судье, которому он сообщил о примененных к нему пытках. Несмотря на то, что власти были в полной мере проинформированы о пытках, которым подвергся Х, виновные так и не были наказаны, и даже более чем через пять лет после совершения вышеупомянутых деяний ничто не указывает на то, что было проведено эффективное и независимое расследование. В этой связи Комитет напоминает о своей практике, согласно которой государство-участник обязано незамедлительно проводить беспристрастное расследование каждый раз, когда существуют веские основания полагать, что был совершен акт пытки¹⁸. Следовательно, Комитет делает вывод о наличии нарушения пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1 Конвенции¹⁹.

7.6 Кроме того, Комитет принимает к сведению довод заявителя о том, что была нарушена статья 11, так как государство-участник не обеспечило надлежащий надзор за режимом содержания под стражей заявителя. Комитет вновь напоминает о своих последних заключительных замечаниях в отношении Бурунди, в которых он выразил обеспокоенность по поводу продолжительности временного задержания и частых случаев превышения максимального срока временного задержания; полного или частичного отсутствия записей о задержаниях в соответствующих реестрах, несоблюдения основных правовых гарантий, предусмотренных для лишенных свободы лиц; отсутствия положений, которые гарантировали бы малоимущим лицам доступ к медицинской и правовой помощи; злоупотребления практикой предварительного заключения при отсутствии регулярной проверки законности решений о таком заключении и ограничений его общей продолжительности (см. CAT/C/BDI/CO/2, пункт 10). Как представляется, в рассматриваемом случае в отношении заявителя не было совершено никакой судебной проверки до того момента, когда он был доставлен к судье 14 февраля 2010 года, т.е. через 16 дней после его задержания. С учетом

¹⁸ См. сообщения № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 года, пункт 16.7, и № 402/2009, *Абдельмалека против Алжира*, решение, принятое 23 мая 2014 года, пункт 11.7.

¹⁹ См. сообщение № 514/2012, *Нийонзима против Бурунди*, решение, принятое 21 ноября 2014 года, пункт 8.3.

отсутствия со стороны государства-участника убедительной информации, способной доказать то, что был обеспечен надзор за содержанием под стражей заявителя, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило статью 11 Конвенции.

7.7 Что касается статей 12 и 13 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждения заявителя о том, что, несмотря на многочисленные попытки автора сообщить о примененных к нему пытках, не было проведено никакого расследования, с тем чтобы прояснить факты и определить ответственность конкретных лиц по этому делу, а также о том, что 14 февраля и 1 марта 2010 года во время судебных заседаний он официально заявил, что подвергся пыткам при задержании. Кроме того, он подал жалобы на вышеуказанные деяния в ходе апелляции в военном суде и кассационном суде 21 сентября и 26 октября 2010 года, а также 17 марта 2011 года. Кроме того, 7 ноября 2012 года он подал официальную жалобу Главному военному прокурору, исход которой по-прежнему остается неизвестным. Государство-участник опровергло утверждения заявителя и преуменьшило их значимость, представив совершенные деяния как последствия того, что заявитель оказал сопротивление при его задержании, и ограничилось упоминанием разбирательства, которое проводится с 7 ноября 2012 года. При этом оно не представило ни одного элемента, который мог бы позволить Комитету оценить ход этого разбирательства и степень его потенциальной эффективности или прояснить причины такой продолжительности. Комитет считает, что такая задержка в проведении расследования по утверждениям о применении пыток является явно неправомерной и прямо противоречит обязательствам государства-участника по статье 12 Конвенции, согласно которой оно должно обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования каждый раз, когда имеются веские основания полагать, что был совершен акт пытки. Не выполнив это обязательство, государство-участник также нарушило свое обязательство по статье 13 Конвенции, согласно которому оно должно было гарантировать заявителю право на предъявление жалобы, предполагающее, что власти надлежащим образом отреагируют на эту жалобу путем проведения оперативного и беспристрастного расследования²⁰.

7.8 Что касается статьи 14 Конвенции, то Комитет принял к сведению утверждения заявителя о том, что ему не были предоставлены никакие услуги по реабилитации с целью максимально возможного восстановления его прежнего физического и психологического состояния и социального и финансового положения. Комитет напоминает, что статья 14 Конвенции признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать, чтобы жертва пыток получала возмещение. Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 3 (2012 год), в котором он указывает, что государства-участники должны обеспечивать, чтобы жертвы пыток или жестокого обращения получили полное и эффективное возмещение и возполнение, включая компенсацию и другие средства для возможно более полной реабилитации. С учетом того, что не было проведено оперативного и беспристрастного расследования, несмотря на неоднократные заявления X о примененных к нему пыток, подтвержденные целым рядом доказательств, которые не были убедительно опровергнуты государством-участником, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 14 Конвенции.

²⁰ См. сообщения № 376/2009, *Бендиб против Алжира*, решение, принятое 8 ноября 2013 года, пункт 6.6, и № 503/2012, *Нтикараера против Бурунди*, решение, принятое 12 мая 2014 года, пункт 6.4.

7.9 Что касается утверждения о нарушении статьи 15 Конвенции, Комитет принял к сведению доводы заявителя о том, что его принудили подписать протокол, свидетельствующий о его участии в подготовке предполагаемого государственного переворота, а также его утверждение о том, что он был осужден за причастность к военному заговору на основании тех же самых признаний, при том, что государство-участник не провело никаких проверок, несмотря на его неоднократные заявления о пытках. Комитет напоминает о том, что широкий смысл содержащегося в статье 15 запрета ссылаться на любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, допущенные в качестве доказательства при любом разбирательстве, подпадающем под его сферу компетенции, получены с применением пыток²¹. В рассматриваемом случае ввиду того, что государство-участник не провело таких проверок, Комитет должен сделать вывод о том, что в отношении X была нарушена статья 15 Конвенции.

8. Действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, Комитет констатирует, что имеющиеся в его распоряжении материалы свидетельствуют о нарушении статьи 1, пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1, а также статей 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

9. Согласно пункту 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) провести беспристрастное расследование в связи с рассматриваемыми событиями с целью привлечения к судебной ответственности лиц, которые могут быть виновны в ненадлежащем обращении, которому подвергся заявитель; б) предоставить заявителю надлежащее возмещение, включая компенсацию за причиненный ему материальный и нематериальный ущерб, восстановление в правах, реабилитацию, сатисфакцию и гарантии неповторения; в) принять все необходимые меры для предупреждения любых угроз или актов насилия, которым могут быть подвергнуты заявитель или его родственники, особенно в связи с подачей настоящей жалобы; и д) проинформировать Комитет в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения о мерах, которые будут приняты в соответствии с изложенными выше соображениями, включая выплату заявителю надлежащей компенсации.

²¹ См. сообщение № 219/2002, *Г.К. против Швейцарии*, решение, принятое 7 мая 2003 года, пункт 6.10.